DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125
УДК 323-053.67(571.6)

Ю. В. Березутский

Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики

В *статье представлен анализ данных статистики и результатов социологических исследований, характеризующих положение молодежи на Дальнем Востоке России. Делается вывод о нарастании кризиса социальных отношений, деформации преемственности поколений, рассогласованности потребностей и возможностей их удовлетворения молодежью. Несмотря на предпринимаемые меры, данные статистики и результаты социологических исследований свидетельствуют об отрицательных тенденциях в отношении миграционных настроений дальневосточников. За последние три десятилетия произошло стремительное сокращение доли молодежи на территории Дальнего Востока России ввиду миграционного оттока. Региону необходима особая национальная политика не только и не столько по макроразвитию региона, но и по улучшению уровня жизни конкретного человека. Наиболее очевидными мерами «закрепления» и привлечения населения на Дальний Восток страны участники исследования считают экономические меры стимулирования: рост реальных доходов семей, возможность улучшения своих жилищных условий, возможность получения качественного образования и трудоустройства молодежи, а также возможности самореализации детей и молодежи.*

Ключевые слова: *молодежь, молодежная политика, социальная активность, миграционный отток, уровень жизни, Дальний Восток России.*

Молодежь с позиции социологической науки рассматривается одновременно как объект и как субъект государственной политики. И такое понимание молодежи как социальной группы анализируется в единстве ее индивидуальной и социальной сущностей. Более того, рассматривая молодежь как группу в спенсоровской традиции, следует особенно подчеркнуть объектно-субъектную природу молодежи, где велика роль личности, но и развитие личности невозможно без созданных в обществе соответствующих условий.

Отсюда следует, что наиважнейшим процессом развития молодежи выступает процесс ее социализации, формирующий ее ценностно-мировоззренческие установки, картину мира, ее отношение к этому миру. Академик РАН М. К. Горшков делает особый акцент на роли государства и его политики в социализации молодежи, отмечая, что *«... процесс социализации подразумевает создание государством благоприятных условий для успешной интеграции молодежи в культуру современной цивилизации, нравственные, этнические и религиозные традиции, принятие ее как ценности этических и правовых норм, общегуманистических принципов образа жизни, а также целостного мировоззрения, являющегося для государства системообразующим»* [Горшков, Шереги, 2010. С. 7].

Но, с другой стороны, развитие общества невозможно без роли и вклада в это развитие самой молодежи, ее социальной активности, ее социальной субъектности. Анализируя специфику становления личности молодого человека, А Г. Харчев делает вывод, что *«... одно из проявлений прогресса общества состоит в том, что каждое новое поколение, вступающее в жизнь, должно подниматься на более высокий уровень образованности, общей культуры, профессиональной квалифи-*

Юрий Владимирович Березутский – канд. социол. наук, доцент, заведующий Научно-исследовательской лабораторией, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: uriy-dvags@yandex.ru*

кации, социальной активности» [Харчев, 1990. С. 80].

Концептуальный подход В. И. Чупрова к социальной сущности молодежи, ее роли и месту в системе общественного воспроизводства свидетельствует о двуединой природе молодежи – ее объектно-субъектной сущности: *«... молодежь обеспечивает сохранение целостности общества (преемственность), участвует в его совершенствовании и преобразовании, передает (транслирует) обновленный опыт последующим поколениям»* [Чупров, Зубок, 2008. С. 269]. В этом и проявляется становление молодежи как субъекта общественной жизни под влиянием созданных условий предыдущими поколениями.

Социологи делают особый акцент на понимание молодежи именно с позиции того, что молодежь – это объект и субъект государственной политики. Молодежь – это отражение общественных процессов и сложившейся системы социальных отношений между государством и обществом. Недооценивание роли воздействия молодежи на общество и общества на молодежь в оценке И. М. Ильинского чревато торможением их развития, поскольку: *« ... молодежные проблемы являются проблемами всего общества, общественными проблемами, поэтому решать проблемы молодежи – значит, решать проблемы всего общества»* [Ильинский, 2001. С. 79].

Однако сегодня мы является свидетелями серьезного научно-государственного диссонанса в отношении к молодежи, что, на наш взгляд, свидетельствует о серьезной социальной атомизации власти (в том числе и в лице органов, реализующих государственную молодежную политику) и общества (в лице ее наиважнейшей социальной группы – молодежи).

Мы отмечаем сегодня наличие государственной молодежной политики, которая имеет слабую идеологическую, правовую, кадровую, инфраструктурную, финансовую основу. Сегодня все чаще в выступлениях государевых людей утверждается позиция о дистанцированности государства от молодежи, призыв к самореализации и саморазвитию молодежи. С последним спорить сложно, да и не нужно. Это правильно. Но не может человек взять и сам по себе реализоваться. Для этого нужны условия, особые условия.

Приведу лишь некоторые из публичных высказываний представителей исполнительной и законодательной власти в отношении отсутствия необходимости создавать для молодежи особые условия для ее развития. А поскольку такие оценки звучат в последние годы практически постоянно и в различных уголках нашей страны, можно сделать вывод о серьезном непонимании сущности молодежных проблем теми, кто должен их решать, о серьезной дистанцированности государственной молодежной политики от молодежи.

Так, Уполномоченный при Президенте РФ по правам предпринимателей Борис Титов назвал программу *«Жилье для молодежи» антисоциальной: «Жилье для молодых» – это антисоциальная программа, это антиэкономическая программа, прежде всего для молодых. Почему молодые должны иметь свое жилье в собственности, еще и с помощью государства? Сегодня уже разрабатывается программа о налоговых льготах для тех, кто занимается арендным бизнесом. Главное – это неправильная социальная политика и ориентация на то, что жилье должно быть в собственности»*[1].

Директор департамента молодежной политики Свердловской области Ольга Глацких не поддерживает идею необходимости создания государством условий для развития молодежи и поддержки демографической политики: *«На сегодняшний день получилось так, что в молодежи, в подрастающем поколении складывается почему-то такое понимание о том, что нам государство все должно. Нет, вам государство вообще – в принципе – ничего не должно. Вам должны ваши родители, потому что они вас родили, государство их не просило вас рожать»*[2].

[1] *Титов назвал антисоциальной программу по обеспечению жильем молодежи. URL: https://www.gazeta.ru/realty/news/2014/10/08_n_6543809.shtml*

[2] *На Урале чиновница заявила, что государство «ничего не должно» детям. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ria.ru/society/20181105/1532145121.html*

Депутат Ярославской городской думы Дмитрий Петровский, вообще предложил отказаться от всего бесплатного в социальной сфере: *«Мы привыкли сидеть у государства на шее, мы привыкли, что оно нам что-то должно. А если нет бесплатного набора от государства, мы чувствуем себя некомфортно: нет бесплатного детского садика – нам некомфортно, нет бесплатного образования – нам некомфортно, нет бесплатного пенсионного обеспечения нам опять некомфортно. Это пришло к нам с наследием Советского Союза, а нужно от этого наследия отходить».*[3]

Можно и дальше продолжать цитировать многочисленные высказывания представителей власти, но и этих достаточно, чтобы сделать вывод о нарастании кризиса социальных отношений, деформации преемственности поколений, рассогласованности потребностей и возможностей их удовлетворения. Очевидно, что без создаваемых условий, равных возможностей самореализация молодых людей невозможна. Результаты наших региональных социологических исследований регулярно подчеркивают объективную необходимость в новой, более эффективной государственной молодежной политике, обусловленной ее высокой общественной значимостью как субъекта социально-экономического и духовного развития дальневосточного региона [Березутский, 2013. С. 100].

Называя глобальной проблемой во взаимоотношениях государства и общества «проблему молодежи», И. М. Ильинский подчеркивает в сущности молодежи объектную и субъектную природу: *«Несомненно, что часть молодежи осознает свою роль и свое историческое назначение, хочет и пытается реализовать свой уже существующий творческий потенциал, но не может осуществить это намерение из-за отсутствия необходимых для этого экономических, политических, социальных, правовых и других (внешних по отношению к ней) условий и стимулов. В свою очередь, общество и государство ожидают от молодежи выполнения конституционных обязанностей, гораздо большей социальной активности, инициативы, творчества, но не получают их из-за недостаточного уровня развития качеств молодой личности»* [Ильинский, 2017. С. 66].

В этом ключе развитие Дальнего Востока России, а следовательно, и создание условий для самореализации дальневосточной молодежи выступают одним из национальных векторов и приоритетов, обозначенных Президентом России в 2013 г.: «Ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъём Сибири и Дальнего Востока. Это наш национальный приоритет на весь XXI век. Задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу, а значит, и наши шаги должны быть нестандартными»[4]. Более того, в 2018 г. Президентом страны В. В. Путиным дано поручение разработать Национальную программу развития Дальнего Востока России на период до 2025 г. с перспективой до 2035 г., одной из амбициозных задач которой является «сделать Дальний Восток точкой притяжения для граждан, чтобы *«... на Дальний Восток, из других регионов страны приезжало больше людей, чем уезжает»*[5].

В настоящий момент идет активный процесс ее разработки, осуществляется обсуждение и сбор предложений в программу с экспертным сообществом, гражданским обществом, простыми гражданами[6]. По состоянию на середину марта 2019 г. поступило около 16 тыс. предложений от дальневосточников. В такой публичности разработки национальной программы есть как большой

[3] *Ярославский депутат предложил отменить пенсию по старости. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/02/11/2018/5bdc5e189a794733045c7310*

[4] *Путин В.В. Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825*

[5] *Дальний Восток получит Национальную программу развития. URL: https://minvr.ru/press-center/news/18680*

[6] *С 15 декабря 2018 г. по 01 мая 2019 г. запущен официальный сайт по сбору предложений в проект Национальной программы развития Дальнего Востока на период до 2025 года и на перспективу до 2035 года. URL: https://дв2025.рф*

плюс (широкая общественная дискуссия и вовлечение дальневосточников в поиск путей развития своей территории проживания), так и большой минус (необходимость удовлетворения пожеланий и предложений гражданского общества, иначе потенциал недоверия и оттока населения еще больше усугубится).

В этом контексте хочется подчеркнуть, что, пожалуй, самым главным показателем создаваемых государством условий для развития территории, самореализации молодежи, действительно выступает показатель «миграционного оттока» (желание граждан жить и работать на данной территории). А усиливающийся миграционный отток местного населения вкупе со слабой «закрепляемостью» приезжего населения – есть индикатор неблагополучия развития территории.

Поэтому, конечно, заслуживает поддержки тезис Президента России о необходимости реализации на территории Дальнего Востока России «прорывных»[7] мер. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, данные статистики и результаты социологических исследований свидетельствуют об отрицательных тенденциях в отношении миграционных настроений дальневосточников. Более того, *«... уровень и темп депопуляции на Дальнем Востоке России значительно превышают среднероссийские уровни. И, хотя тенденция эта несколько замедлилась по сравнению с девяностыми годами прошлого века, она остается устойчивой»* [Докучаев, 2015. С. 5].

Проведенный статистический анализ изменения численности доли молодежи в возрасте 15 – 29 лет в структуре населения Дальнего Востока России за последние три десятилетия свидетельствует о следующих тенденциях (рис. 1):

- во-первых, произошло стремительное сокращение доли молодежи на территории Дальнего Востока России (с 24,4% в 1990 г. до 18,6% в 2018 г.);

- во-вторых, на Дальнем Востоке России процесс сокращения доли молодежи в структуре населения идет более интенсивно, чем в среднем по России (на Дальнем Востоке доля молодежи сократилась на 5,8%, в то время как в России лишь на 4,3%);

- в-третьих, Дальний Восток еще пока сохраняет более молодежную структуру населения, нежели Россия в целом (18,6% молодежи в структуре населения Дальнего Востока против 17,2% молодежи в структуре населения России).

Наряду с сокращением доли молодежи в структуре населения, данные статистики за последние три десятилетия свидетельствуют о существенном увеличении доли пенсионеров в структуре населения (рис. 2).

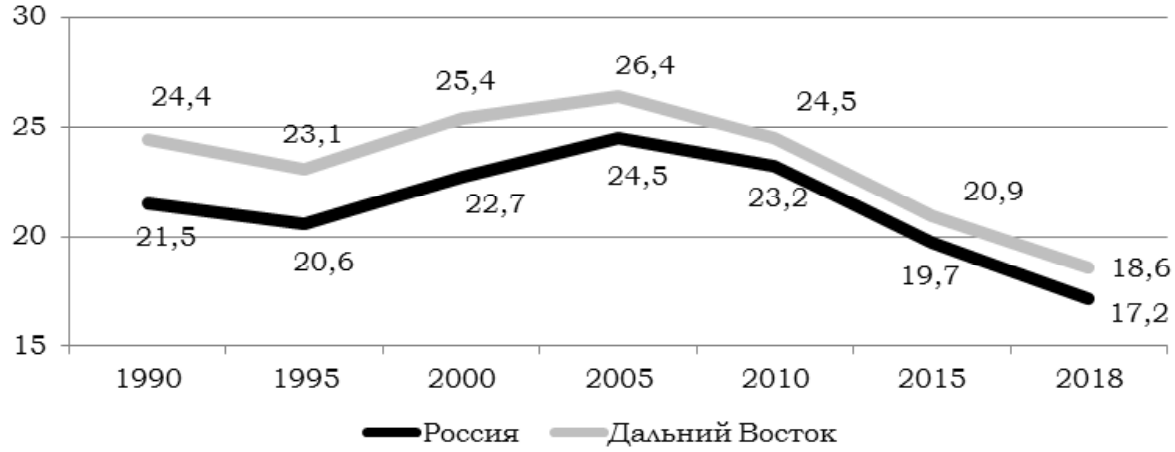

Рис. 1. Динамика доли молодежи 15 – 29 *лет в структуре населения Дальнего Востока России и России в целом*[8]*, в %*

[7] *Путин: развитие Дальнего Востока дает ресурс для прорыва в экономике РФ. URL: https://tass.ru/vef-2018/articles/5554536*

[8] *Источник: составлено автором на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС». URL: https://fedstat.ru*

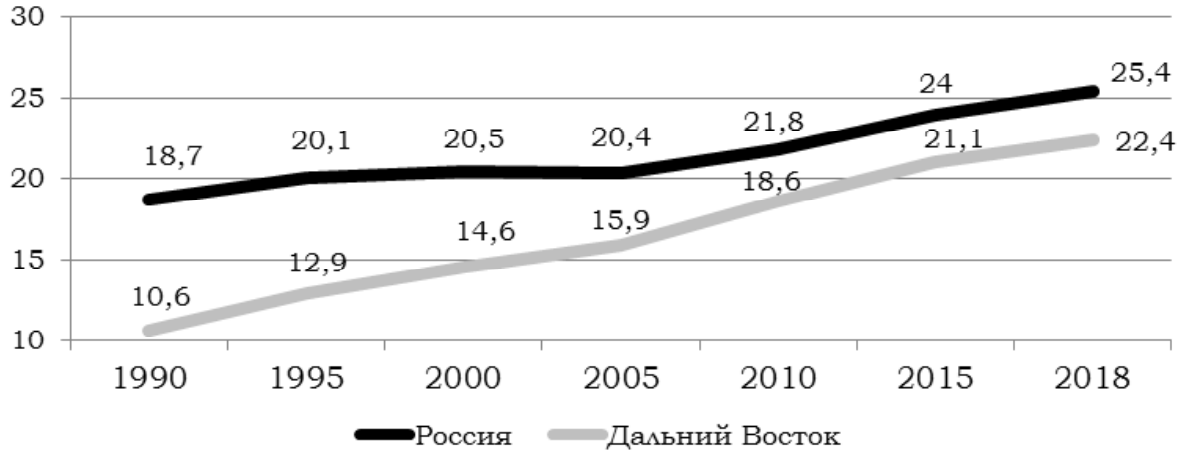

Рис. 2. Динамика доли пенсионеров в структуре населения Дальнего Востока России и России в целом[9], в %

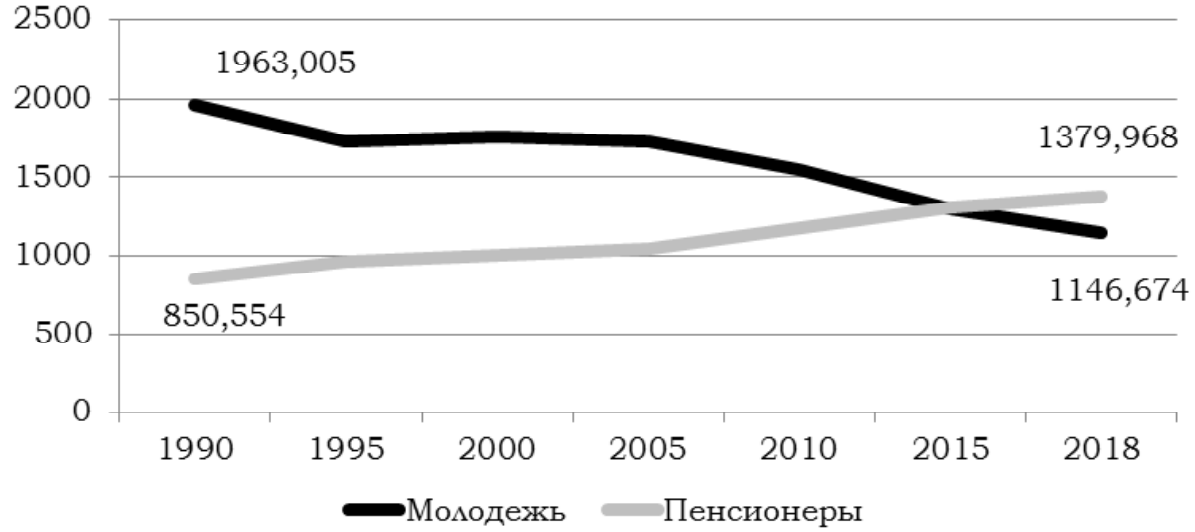

Рис. 3. Динамика численности молодежи и пенсионеров в структуре населения Дальнего Востока России[9] (в тыс. чел.)

Статистические данные (рис. 2) свидетельствуют об отрицательных тенденциях «старения» населения и общей деформации социальной структуры дальневосточного социума:

- во-первых, происходит общее стремительное «старение» населения на Дальнем Востоке России – за последние три десятилетия доля пенсионеров возросла в два с лишним раза (с 10,6% до 22,4% в 2018 г.);

- во-вторых, на Дальнем Востоке России процессы «старения» населения протекают более интенсивно, чем в среднем по России (на Дальнем Востоке доля пенсионеров увеличилась на 11,8% или в 2,1 раза, в то время как в России лишь на 6,7% или в 1,3 раза);

- в-третьих Дальний Восток еще пока сохраняет чуть более молодежную структуру населения, нежели Россия в целом (22,4% пенсионеров в структуре населения Дальнего Востока против 25,4% пенсионеров в структуре населения России).

Более того, статистический анализ показал кардинальную трансформацию социальной структуры дальневосточного социума за последние три десятилетия. Так, если в 1990 г. молодежи на Дальнем Востоке России было в 2,3 раза больше, чем пенсионеров, то в 2018 г. пенсионеров уже стало в 1,2 раза больше, чем молодежи (рис. 3).

[9] *Источник: составлено автором на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС». URL.: https://fedstat.ru*

Такие трансформации социальной структуры общества не могут не повлечь за собой проблемы формирования бюджета, снижение налоговых поступлений, снижение пенсионного обеспечения, более высокую экономическую нагрузку на трудоспособное населения и др. Как отмечает Е. Л. Мотрич, *«старение» населения при сложившихся объективных и субъективных условиях не вселяет оптимизма в достижение поставленных государственных задач демографического развития: «Последствием сложившихся тенденций в демографическом развитии Дальнего Востока является трансформация возрастного состава населения, что может тоже оказаться одним из факторов, усугубляющих условия экономического развития. Ввиду чего наращивание демографического потенциала на Дальнем Востоке России, предусмотренное Концепцией демографической политики до 2025 г., весьма труднодостижимая цель»* [Мотрич, 2018. С. 73].

Более того, если провести анализ динамики численности молодежи в разрезе дальневосточных субъектов РФ, то мы увидим, что отток молодежи во всех регионах[10] более интенсивный, нежели отток населения в целом. При этом данные статистики показывают, что в большей степени отток молодежи за последние три десятилетия произошел в Чукотском АО (его с 1990 г. по 2018 г. покинуло 76,3% молодежи), Магаданской области (74,6% молодежи), Камчатского края (54,8%). Минимальный отток молодежи (25,1%) наблюдается в Республике Саха (Якутия). В то же время территория Дальнего Востока России более интенсивно, нежели страна в целом, «теряет» и население, и молодежь (в два с лишним раза) (рис. 4).

Такой складывается объективная картина демографического развития Дальнего Востока России. Наряду с этим важной компонентой исследования выступает и социологический анализ, позволяющий оценить субъективную сторону объективных процессов и дать объяснение причин такого стремитель-

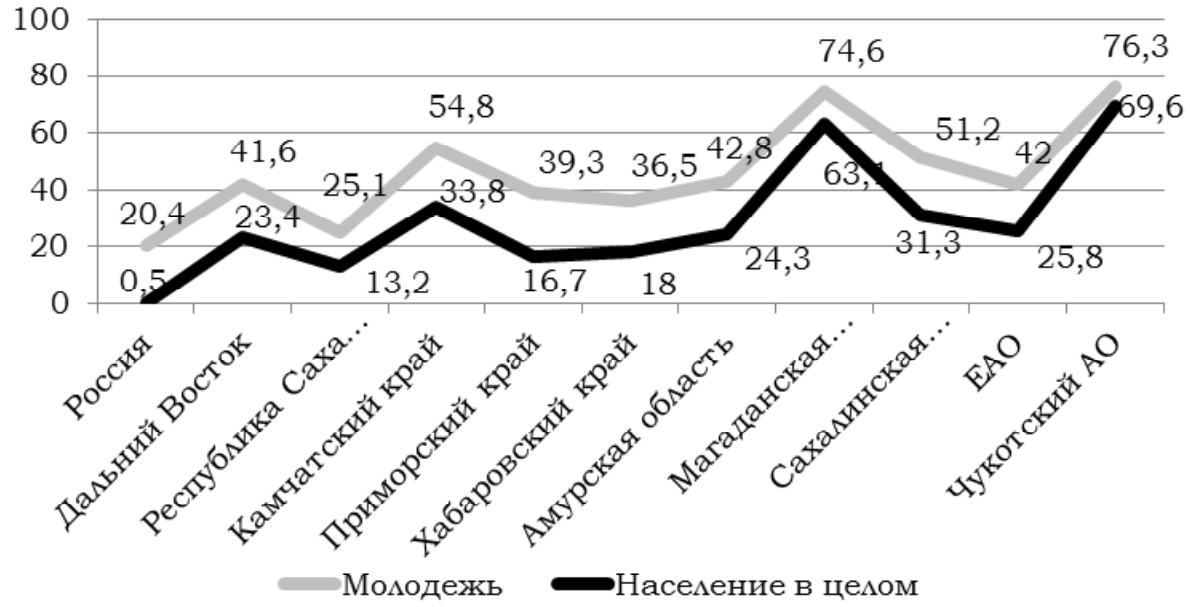

Рис. 4. Динамика изменения доли молодежи и доли населения в целом в разрезе субъектов РФ ДФО и России в целом к 2018 г. по сравнению с 1990 г.[11], в %

[10] *Анализ проводился в период до подписания Указа Президента РФ от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» о включении в состав Дальневосточного федерального округа Республики Бурятия и Забайкальского края.*

[11] *Источник: составлено автором на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС». URL: https://fedstat.ru*

ного оттока дальневосточников.

Результаты нашего масштабного дальневосточного фокус-группового исследования населения в целом и молодежи в частности позволили оценить их отношение к государственной политике по развитию Дальнего Востока, мотивацию миграционных настроений, механизмы и инструменты «закрепления» местного населения и привлечения населения на Дальний Восток[12].

Результаты исследования, как и данные статистики, описанные выше, отражают трансформацию социальной структуры дальневосточного сообщества вследствие изменения государственной политики. Если в советский период приток квалифицированных специалистов и членов их семей осуществлялся за счет целенаправленной политики перемещения трудовых ресурсов и их закрепления, то в настоящее время этот приток из центральных регионов страны практически отсутствует. Одной из современных характеристик региона является интенсивный приток трудовых мигрантов, низкоквалифицированной рабочей силы из стран СНГ, стран ближнего и дальнего зарубежья.

В поиске «прорывных» идей развития Дальнего Востока России, мы зачастую забываем об успешном опыте реализации государственной, в том числе и молодежной, политики советского периода. Например, в 70-х гг. XX в. посредством консолидации молодежи и ее вовлечения в созидательную совместную деятельность в рамках мега проекта по строительству БАМа, историками отмечаемого как свидетельство «действенной государственной молодежной политики, способной поднять огромную массу молодежи, совершившей трудовой подвиг, тем самым поразив воображение многих западноевропейских государств» [Платонова, 2008. С. 75]. Разве это не «прорыв»? Однако не только идеологическими инструментами обладала государственная молодежная политика того периода времени. В рамках этой политики успешно были реализованы и «прорывные» для того времени (да и для настоящего) меры экономического стимулирования привлечения молодежи в Дальневосточный регион: «районный коэффициент, северные надбавки за работу на трассе, «полевые», большие ежегодные отпуска с оплатой предприятием проезда к месту отдыха один раз в три года, бронирование жилья и др.» [Платонова, 2008. С. 78–79]. Об этом ностальгировали на фокус-группах не только представители старшего поколения, но и молодое поколение.

А как сегодня современная молодежь оценивает реализуемую государственную политику по созданию для нее условий развития на Дальнем Востоке страны? Оценки молодежью роли государственной политики в отношении развития Дальнего Востока России можно свести к четырем ключевым выводам.

Во-первых, региону необходима особая национальная политика не только по макроразвитию региона, но и по улучшению жизни конкретного человека: *«... жизнь здесь дорогая и некомфортная, чтобы здесь сохранить людей, нужны преференции», «... программа нужна именно по обеспечению улучшения жизни населения Дальнего Востока», «... регион особенный и он никогда только за счет своих собственных ресурсов и рыночных отношений не выживал», «... без программы развития Дальнего Востока не будет достойных инвестиций, не будет производства, то, что было, потеряли, и не знаю, как будет дальше», «... такая политика обязательно нужна, должна быть именно не провозглашённая политика, а система действенных мер и с федеральным финансированием», «нужна, только на деле, а не на словах».*

В унисон звучат и выводы региональ-

[12] *НИР «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России», выполнена в 2018 г. по заказу ФАНУ «Востокгосплан» коллективом социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. Научный руководитель Ю.В. Березутский. Проведена 21 фокус-группа (из которых 9 – молодежных) в четырех дальневосточных субъектах РФ (Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, Сахалинская область) в 9 городах с общим количеством участников 199 человек: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток, Находка, Уссурийск, Благовещенск, Белогорск, Южно-Сахалинск, Холмск.khabkrai.ru/events/Novosti/2208*

ных экономистов: *«Реализация масштабных проектов для улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке условие необходимое, но недостаточное. К тому же это процесс длительный, а влияние его – косвенное. Переломить же тенденцию необходимо в течение ближайших 5 – 10 лет. Поэтому меры государственной поддержки должны быть прямые, то есть непосредственно касающиеся благосостояния дальневосточников и в то же время снижающие затратность дальневосточной экономики (повышающие ее конкурентоспособность)»* [Заусаев, Кручак, 2017. С. 128].

Во-вторых, особенность Дальнего Востока молодежь видит в *«удаленности от развитого и притягательного «центра», «неразвитости территории», «высокой стоимости жизни», «сложных природно-климатических условиях», «мощной ресурсной базе», «необходимости сохранения населения в условиях встраивания Дальнего Востока в систему стран АТР»* и др.

В-третьих, молодежь считает приоритетом создание более комфортных и преференциальных условий для закрепления местного населения, во вторую очередь – для привлечения населения на Дальний Восток: *«... приоритетом должно быть местное население, лучше создавать условия для тех, кто остался здесь, чем для приезжих, которые могут просто уехать, если им не понравится»; «... согласна с теми людьми, которые говорят о том, что нужно создавать условия для того, чтобы люди не уезжали отсюда»; «... в приоритете – местные жители, потому что, если сделать их жизнь лучше, они будут довольны, отзывы, которые пойдут от них, уже привлекут сюда другое население», «... опереться на местное население лучше и проще, т. к. здесь остались одни патриоты Дальнего Востока, своих мест, а привлекать нужно специалистов, которых нет».*

Во вторую очередь целесообразно привлекать людей на Дальний Восток России: *«... считаю, что нужно сделать политику, чтобы умные люди приезжали сюда», «я за то, чтобы развивать население, которое проживает здесь, но вместе с тем должна быть доля привлечения специалистов высокого уровня, именно тех специалистов, потребность в которых есть для развития территории», «необходимо сначала для своих сделать жизнь нормальной, а потом уже приглашать».*

Напряженность в общественном сознании вызывает интенсивный приток трудовых мигрантов (особенно проявляющийся на территории Сахалинской области): *«... если бы к нам приезжали высококвалифицированные люди, которые бы двигали нашу экономику вперед, я двумя руками за, но эти граждане, которые приезжают, не профессионалы», «... меня волнует тот момент, кто именно будет приезжать и откуда, например, жители из азиатских стран уже и так достаточно сильно заселили наш город», «... для приезжих по программе дают миллион. Почему им дают, а нам нет? Есть какое-то неравноправие», «мигрантов много, они все низкоквалифицированные, опытных особо нет», «... мне не нравится, что китайцы приезжают на наши земли, они просто могут потом заменить нас», «... люди русские отсюда будут уезжать, заселят китайцы».*

В-четвертых, несмотря на декларирование приоритета развития Дальневосточных территорий, реализацию национальных программ и проектов, в большинстве своем молодежь не ощущает особой государственной политики в отношении дальневосточников: *«... ничего не ощущаю, вообще, единственное – город немного благоустраивают визуально», «... только в плане благоустройства, а вообще, нет, не ощущаю», «... изменения есть, но их недостаточно, на мой взгляд», «... не ощущаю его на себе, но, как говорят многие, это внимание есть и его очень много, а средств, чтобы развивать город, не дают», «... по телевизору о нас очень часто говорят», «... что касается внешнего облика – да, что касается экономического развития и социального – не особо», «... на словах все красочно, а по факту даже ресурсы не выделяют», «... есть какие-то привилегии, но недостаточные, тот же гектар, но это неперспективно», «... чувствуем, потому что постоянно об этом говорят, но где строится космодром – население не чувствует, даже чувствуют, что все выкачивают, у нас всё забирают*

и делают нас заложниками, поэтому – только декларация, а реально – нет», «... общее впечатление – это кампанейщина, словоблудие».

Такие отрицательные оценки выступают одним из ключевых факторов формирования жизненных планов молодежи, ее миграционных настроений на отъезд с территории Дальнего Востока России. В свою очередь, особенности жизненных планов и стратегий дальневосточной молодежи также можно сгруппировать в четыре важных характеристики.

Во-первых, дальневосточная молодежь демонстрирует высокий миграционный потенциал (намерение в ближайшие годы покинуть территорию Дальнего Востока России): *«... сегодня я не планирую уезжать, но не знаю, как поменяются мои мечты, так как твёрдой уверенности нет», «... меня здесь ничего не держит, в планах уехать», «... в планах я хочу после учебы поступить в магистратуру в другой город», «... доучиться здесь и уехать в западную часть России», «... в ближайшие 5 лет я буду здесь, а потом может и уеду», «... если не получится в Хабаровске, то уеду», «... нельзя остаться, однозначно, уеду в Крым в ближайшие 5 лет», «... я поеду кости греть в Сочи, через 5 лет точно уеду», «... хочу переехать и очень сильно хочу, но пока не могу и не знаю, когда смогу, все упирается в маму, я у нее один».*

Более того, жители прогнозируют и дальнейший отток населения: *«... по поводу притока и оттока населения: я не вижу сейчас причин, по которым бы привлекалось население в наш край, не придумано еще», «... отток будет до тех пор, пока качество жизни будет ухудшаться», «отток будет однозначно, даже стабилизации не будет, будет только отток, ведь все упирается в жилье и социальную политику».*

Во-вторых, дальневосточная молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень неудовлетворенности образованием, наличием рабочих мест, оплатой труда, качеством медицины, транспортной доступностью, возможностями для интересного досуга и для самореализации: *«... молодежь почему уезжает, потому, что жилья нет, и дорого у нас, ипотека дорогая, нужно дешевле», «... главная причина – низкие зарплаты, у меня друг уехал за границу, получает в месяц, сколько я за год», «... брат в Москву уехал, не жалуется, зарплата здесь не устроила», «... друзья в Питер уехали, работа, зарплата», «... уезжали за получением образования, оно там лучше и качественнее», «... одноклассница уехала учиться, там и осталась, зарплата достойная, лучше, чем у нас», «... личностный рост, здесь тесновато стало», «... уезжают учиться, образование там лучше, говорят, что жизнь там лучше, чем здесь», «... из-за образования и самореализации», «... не вижу здесь перспектив, хочу уехать в Москву», «... на запад, там энергия движения, там все движется, меняется, у нас этого нет».*

Показательна оценка молодого человека из г. Холмска Сахалинской области: *«Два года назад я закончил 11 классов, из 21 выпускника здесь осталось лишь четверо. Знаете почему? Потому что они провалили ЕГЭ. Остальные уехали поступать за пределы Дальнего Востока и вернутся вряд ли».*

При этом достаточно высок потенциал эмиграционных настроений молодежи: *«... уехать, очень далеко, за границу, там друзья зовут, сейчас учу язык, у меня цель такая», «... доучиться здесь, потом хотел во Владивосток, там отработать какое-то время и потом из России вообще уехать, потому что ничего не меняется», «... не хочу растить детей своих здесь».*

Остроту проблем населения, детерминирующих его социальную активность, обуславливают рост цен на основные товары и услуги, сокращение реальных доходов граждан, снижение их покупательной способности и другие факторы [Байков, 2018. С. 134].

В-третьих, парадокс большой страны заключен в наличии всего лишь двух «центров притяжения» молодежи, где с ее слов она может самореализоваться – это г. Москва и г. Санкт-Петербург: *«... хочу попытать удачу и поступить в Москве»; «... уеду, как мне кажется. Я побывал в Питере, хочу туда»; «... брат в Москву уехал, не жалуется, зарплата здесь не устроила», «... друзья в Питер уехали, работа, зарплата», «... не вижу здесь перспектив, хочу уехать в Москву», «... я хочу*

уехать после обучения в Питер и это желание не изменилось». В то же время следует отметить, что такими же дальневосточными «центрами притяжения», но с меньшей силой притяжения, являются гг. Хабаровск и Владивосток: *«... я планирую переместиться по Дальнему Востоку, в Хабаровск, там лучше», «... я не хочу здесь жить, уеду в Хабаровск или во Владивосток, потом может дальше», «доучиться здесь, потом хотел во Владивосток».*

В-четвертых, в отношении прогноза регионального развития больше пессимизма в оценках дальневосточников, чем видения перспектив развития территории Дальнего Востока. В то же время представления молодежи о перспективах развития Дальнего Востока, прогнозные оценки в отношении его будущего как региона, о городах, в которых они проживают, в силу возрастного оптимизма и веры в будущее в целом позитивные, но с поправками на реальность: *«... красивее станет точно, в плане работы – не думаю, что что-то изменится»; «думаю, что станет лучше, но ненамного»; «... мне кажется, что со временем что-то изменится, если уже какие-то сдвиги за такой промежуток времени начали происходить, то, я думаю, наш город станет к этому времени чуть-чуть лучше», «... пограничное такое состояние, потому что я вижу, что есть сдвиги, но не уверена, что их станет больше», «... считаю, что изменения будут, но, должно измениться мышление людей, если оно изменится, то изменения произойдут и во внешней среде»; «... думаю, что это зависит от того, какую политику выберет государство, но какой-то особой уверенности нет», «... будет стагнация, потому что, даже у нас открылся завод и для приезжих зарплата намного выше, чем для тех, кто здесь живет», «... развитие будет, но вопрос – для кого, для местных или для приезжих», «при этом правительстве – нет».*

В сознании как в целом населения, так и молодежи в частности обострено чувство социальной несправедливости. По мнению большинства дальневосточников, Дальний Восток видится государству, к сожалению, лишь в качестве ресурсной базы: *«К нашим ресурсам есть пристальное внимание со стороны Москвы, все доходы с них получает Москва, а у нас дефицит бюджета, и нам приходится просить у них помощи материальной».*

Результаты всех без исключения фокус-групп показали, что по всем обследованным субъектам Дальнего Востока России, в разных типах городских поселений высока доля разочаровавшихся, неудовлетворенных существующим подходом федерального Центра к региону, востребованному преимущественно как средство добычи природных ресурсов недр и морей. Каждый исследуемый субъект ДФО имеет свои особые «точки неудовлетворенности»:

– в Амурской области особую озабоченность у участников фокус-групп вызывает высокая стоимость электроэнергии (в оценках участников по сравнению с Китаем, куда идут поставки электроэнергии) при наличии трех электростанций;

– в Сахалинской области – это политика несправедливого, по мнению участников исследования, перераспределения доходов от добычи природных ресурсов, рыбы и морепродуктов;

– в Хабаровском крае – это неудовлетворенность условиями жизни в городе «президентского внимания» в контексте декларируемой особой государственной политики;

– в Приморском крае – это отсутствие реального эффекта для жителей от реализуемых на территории края крупномасштабных проектов.

Сложившиеся особенности, в свою очередь, отрицательно влияют на формирование общественного мнения местного сообщества, формируют чувство социальной отчужденности и социальной несправедливости, увеличивают отток населения.

Кто уезжает? Уезжает молодежь, в большинстве своем образованная, амбициозная, мотивированная на саморазвитие и самореализацию, интеллектуальная, и, что немаловажно, креативная. К сожалению, приходится констатировать, что потенциал остающегося, «стареющего» населения вряд ли сможет реализовать планируемые «прорывы» в развитии Дальнего Востока страны. Основной ре-

сурс и источник «прорывов» заключен в человеческом ресурсе, молодежном ресурсе, раскрыть который способна только реальная и мощная государственная молодежная политика.

В чем молодежь видит эту политику, направленную на создание условий для развития и снижения оттока?

Наиболее очевидными мерами «закрепления» и привлечения населения на Дальний Восток страны участники фокус-группового исследования считают экономические меры стимулирования: рост реальных доходов семей (61% участников), возможность улучшения своих жилищных условий для всех категорий жителей (48% участников), возможность для получения качественного образования и трудоустройства молодежи (39% участников), а также возможности для самореализации детей и молодежи (30% участников).

Обобщая многочисленные мнения, высказывания, идеи и предложения участников фокус-группового исследования, следует представить наиболее типичные, распространенные и поддерживаемые большинством:

– предоставление субсидированного перелета не только для молодежи и пенсионеров, а для всех категорий населения, особенно для работающего населения, платящего налоги;

– предоставление для всех дальневосточников бесплатной возможности, хотя бы раз в три года с семьей выехать в любую точку страны в отпуск;

– обнуление, либо снижение до уровня, не превышающего 5%, ставки ипотечного кредитования для дальневосточников;

– осуществление реального снижения налогов и создание дальневосточных преференций (распространение практики ТОРов и ТОСЭРов на весь дальневосточный регион) для развития малого и среднего бизнеса. Особый акцент целесообразно сделать на производственном секторе, изготавливающем продукты питания и товары первой необходимости;

– создание рабочих мест с достойной заработной платой, которая на Дальнем Востоке должна быть на порядок выше, чем в других регионах страны. При этом фактором роста доходов может стать освобождение дальневосточников от НДФЛ;

– снижение пенсионного возраста для дальневосточников;

– распространение на всей территории Дальнего Востока бесплатного высшего и среднего профессионального образования;

– кардинальное изменение политики в отношении развития системы здравоохранения – подкрепление ее достаточным кадровым, материально-техническим и финансовым обеспечением;

– развитие внутреннего в том числе и событийного туризма вкупе с субсидированием и кардинальным снижением авиатарифов на внутренние дальневосточные направления позволит получить существенный мультипликативный эффект: рабочие места, развитие малого и среднего бизнеса, инвестирование домохозяйств в развитие региона; приток иностранных инвестиций и, что немаловажно, формирование более глубокой идентичности с природой, культурой и наследием своей малой Родины;

– существенное снижение для дальневосточников тарифов на услуги ЖКХ позволит не только улучшить качество жизни, но и будет способствовать развитию малого и среднего бизнеса, снижению себестоимости производства на территории Дальнего Востока;

– развитие в малых городах культурно-досуговых центров для молодежи, функционирующих по самым широким направлениям культурно-досуговой деятельности и предоставляющих широкие возможности для самореализации детей и молодежи;

– привлечение и создание условий для притока именно квалифицированных специалистов, потребность в которых есть на Дальнем Востоке (например, в сфере здравоохранения, образования), социально значимых и востребованных профессий;

– в создаваемые масштабные проекты на территории региона (с обязательным согласованием и учетом мнения и потребностей жителей) целесообразно вовлекать большое количество местного населения, тем самым не только создавая реальные рабочие места с достойной оплатой тру-

да, но и формируя сопричастность (идентичность) со своей территорией.

Можно по-разному относиться к полученным результатам исследования. Но именно так ощущает происходящее вокруг дальневосточная молодежь. Так она думает, а соответственно, и действует, либо будет действовать: проявлять свою активность или нет, быть вовлеченной в жизнь территории или нет, хотеть уехать с территории Дальнего Востока или продолжать здесь жить и работать. Важно одно – это существующее общественное мнение, с которым необходимо работать, прежде всего создавая реально ощутимые условия улучшения уровня и качества жизни дальневосточников.

Список литературы:

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

2. Харчев А. Г. Социология воспитания: (О некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности). М.: Политиздат, 1990. 222 с.

3. Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. 608 с.

4. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 696 с.

5. Березутский Ю. В. Социальное развитие молодежи региона в социологическом измерении // Уровень жизни населения регионов России: научно-практический журнал. 2013. № 01/2013 (179). С. 95–100.

6. Ильинский И. М. Государственная молодежная политика в СССР. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. 432 с.

7. Дальний Восток России: История депопуляции и технологии ее преодоления / под ред. И.И. Докучаева. Владивосток: Дальнаука, 2015. 327 с.

8. Мотрич Е. Л. Проблемы и перспективы развития демографических процессов на Дальнем Востоке России // Наука. Культура. Общество. Издательство: Российская академия социальных наук. 2018. №4. С. 67–76.

9. Платонова Н. М. Государственная молодежная политика на Дальнем Востоке России в 70-х – первой половине 80-х гг. XX века (социально-экономический аспект) : монография. Хабаровск: изд-во ДВГУПС, 2008. 167 с.

10. Заусаев В. К., Кручак Н. А. Особые режимы хозяйствования на Дальнем Востоке и демографические процессы // Уровень жизни населения регионов России: научно-практический журнал. 2017. № 2 (204). С. 127–132.

11. Байков Н. М. Обеспечение устойчивости жизнедеятельности населения региона: дальневосточное измерение // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы. Материалы XII очной международной научно-практической конференции. 2018. С. 132–141.

Библиографическое описание статьи

Березутский Ю. В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 113–125. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125

Yuriy V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate professor, head of the Research laboratory, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: uriy-dvags@yandex.ru*

The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy

T*he article presents an analysis of statistical data and sociological research results that characterize the situation of young people in the Far East of Russia. The article makes a conclusion about the growing crisis of social relations, deformation of the continuity of generations, the mismatch of needs and the possibilities of satisfying them with the young*

people. Despite the taken measures, statistics and the results of sociological studies indicate negative trends in the migration attitudes of the Far East. Over the past three decades, there has been a rapid decline in the proportion of young people in the Russian Far East due to the migration outflow. The region needs a special national policy not only on the macro-development of the region, but also on improving the standard of living of a particular person. The most obvious measures of "securing" and attracting people to the Far East of the country participants consider economic incentives: the growth of real family incomes, the possibility of improving their living conditions, the opportunity to receive good education and employment of young people, as well as opportunities for self-realization of children and youth.

Keywords: *youth, youth policy, social activity, migration outflow, standard of living, the Far East of Russia.*

References:

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia: a sociological portrait. M.: TsSPiM, 2010, p. 592. (In Russian).

2. Kharchev A. G. Sociology of education: (On some actual social problems of education of the individual). M.: Politizdat, 1990, p. 222. (In Russian).

3. Chuprov V. I. Youth *Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary] / Ed. ed. Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov. M.: Academia, 2008, p. 608. (In Russian).

4. Ilinsky I. M. Youth and youth policy. Philosophy. Story. Theory. M.: Golos, 2001, p. 696. (In Russian).

5. Berezutsky Yu. V. Social development of young people in the region in the sociological dimension *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [The standard of living of the population of the regions of Russia: scientific and practical journal], 2013, no. 01/2013 (179), pp. 95–100. (In Russian).

6. Ilinsky I. M. State youth policy in the USSR. M.: Publishing House of Moscow University for the Humanities, 2017, p. 432. (In Russian).

7. The Far East of Russia: The History of Depopulation and the Technology for Overcoming It / ed. I.I. Dokuchaeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2015, p. 327. (In Russian).

8. Motrich, E. L. Problems and Prospects for the Development of Demographic Processes in the Far East of Russia, Nauka. Culture Society. Publisher: Russian Academy of Social Sciences. 2018, no. 4, pp. 67–76. (In Russian).

9. Platonova N. M. State youth policy in the Far East of Russia in the 70s – first half of the 80s. XX century (socio-economic aspect): monograph. Khabarovsk: DVGUPS publishing house, 2008, p.167. (In Russian).

10. Zausayev V. K., Kruchak N. A. Special economic regimes in the Far East and demographic processes *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Level of living of the population of the regions of Russia: scientific and practical journal], 2017, no. 2 (204), pp. 127–132. (In Russian).

11. Baikov N. M. Ensuring the sustainability of the life of the population of the region: the Far Eastern dimension *Ustoychivoye razvitiye Rossii v period nestabil'nosti: vneshniye vyzovy i perspektivy. Materialy XII ochnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Sustainable development of Russia in a period of instability: external challenges and prospects. Proceedings of the XII full-time international scientific-practical conference], 2018, pp. 132–141. (In Russian).

Reference to the article

Berezutskiy Yu. V. The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 113–125. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125